

В.В. Бобров

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: bobrov4545@mail.ru

Некоторые вопросы к изучению культуры плиточных могил

В скифское время восточные районы степного евразийского пространства были освоены кочевым населением – создателями культуры плиточных могил. В статье поставлен комплекс вопросов, ориентированных на историко-культурное изучение этого этнообъединения дописьменной истории. Главным является содержание археологической культуры плиточных могил, которое разительно отличается от культур скифского времени Евразии. На основании анализа подтверждена идея о симбиозе «карасукской» и «скифской» традиций в материальной и духовной культуре населения Монголии и Забайкалья в VIII / VII–IV вв. до н.э., впервые высказанная в последней трети XX в. В этом сюжете предложена гипотеза о преобладании лугавской (в историографии XX в. – карасукской) бронзолитейной традиции. Она базируется на документированных источниках из погребений, многочисленности случайных находок в ареале культуры, изображении реальных оленных камней монголо-забайкальского типа. В рамках дискуссии о хронологии оленных камней поставлен вопрос о необходимости изучения изобразительного творчества, включая технологический аспект, на археологических объектах данного вида. В этой связи немаловажен вопрос о возможности рассматривать изображения оленей в аспекте реальных. Диссонанс в «скифском фоне» культуры плиточных могил и культур ближайших соседей – обитателей высокогорных степей Западных Саян и Горного Алтая – позволил вернуться к концепции «третьего мира», предложенной Д.Г. Савиновым для эпохи бронзы Центральной Азии. Своеобразие «третьего мира» (Монголии и Забайкалья) не только в сохранении традиций эпохи бронзы в адаптированном виде, но и в ряде исторических обстоятельств, которые остаются неизученными.

Ключевые слова: культура плиточных могил, скифское время, эпоха бронзы, оленные камни, лугавская (карасукская) бронзолитейная традиция, Монголия, Забайкалье, Западные Саяны, Горный Алтай.

V.V. Bobrov

Institute of Human Ecology at the FRC of CCC SB RAS
Kemerovo, Russia
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: bobrov4545@mail.ru

Some Issues in the Study of the Slab Grave Culture

During the Scythian period, the eastern regions of the Eurasian steppe were inhabited by nomadic populations who created the Slab Grave culture. This article raises a number of questions associated with historical and cultural study of this ethnic and political entity of preliterate history. The core issue is the content of the Slab Grave culture which markedly differed from other cultures of Eurasia of the Scythian period. The study confirmed the symbiosis between the “Karasuk” and “Scythian” traditions in the material and spiritual culture of the Mongolian and Transbaikalian populations during the 8th/7th to 4th centuries BC, which was first suggested in the final third of the 20th century. This suggestion proceeded from the hypothesis about the predominance of the Lugavka (in the 20th-century historiography, currently “Karasuk”) bronze-casting tradition, which was based on the documented sources from burials, large number of accidental finds in the area of that culture, and representations on deer stones of the Mongolian-Transbaikalian type. Studying the imagery on deer stones, including its technological aspects, is crucial for discussing chronology of the sites of that type. In this context, a question of considerable importance is whether the deer representations may be actually interpreted as manifestations of material culture. The discord between the “Scythian background” of the Slab Grave culture and its closest neighbors – the inhabitants of the high-altitude steppes of the Western Sayan and Altai Mountains – triggered the return to the “third world” concept, proposed by D.G. Savinov for the Bronze Age of the Eurasian steppes. The distinctiveness of the “third world” (Mongolia and Transbaikalia) was not only in preservation of Bronze Age traditions in an adapted form but also in a series of historical circumstances which still remain unclear.

Keywords: Slab Grave culture, Scythian period, Bronze Age, deer stones, Lugavka (Karasuk) bronze-casting tradition, Mongolia, Transbaikalia, Western Sayan, Altai Mountains.

Введение

В мировой археологии немаловажное место по праву занимает проблематика древностей скифского времени. Впервые гигантское степное пространство Евразии стало ареалом разных по происхождению этнообъединений с общим историко-культурным фоном, который в значительной степени характеризуют «скифская триада» и оленные камни как вид монументального искусства. Историческому аспекту этого фона соответствует понятие «ранние кочевники». В историографии проблематики скифского времени нередко используются понятия «скифский мир», «скифо-сибирское культурно-историческое единство». Приведенные понятия, несмотря на дискуссионный характер, служат иллюстрацией сходства/общности и, вероятно, тенденции развития археологических культур на территории от Северного Причерноморья до Китая в I тыс. до н.э. На этом пространстве несколько необычно выглядит культура восточной окраины евразийских степей. В историографии ее изучения это достаточно наглядно представлено в полемике о времени существования и об археологическом содержании культуры плиточных могил. Одна из главных причин – в недостаточной и крайне ограниченной в информационном аспекте источниковой базе, несмотря на активные исследования этой археологической культуры в последние 30 лет.

I

Суммируя археологические знания о культуре плиточных могил Монголии и Забайкалья, можно, на мой взгляд, утверждать, что ее материальный комплекс представлен очень «скромно», особенно в части такого брэнда эпохи, как скифская триада. Специалисты указывают на многовековую деятельность грабителей как главную причину. По данным А.Д. Цыбиктарова, о ее масштабах свидетельствует незначительное количество находок из 542 раскопанных могил на территории Забайкалья и Монголии. Среди этих находок единичны орудия, предметы конской упряжи, немногим больше оружия [Цыбиктаров, 1998, с. 53, 59–64, 89]. Звериный стиль в характерной выразительности – общей для культур скифского времени – практически не представлен мелкой пластикой из металла и кости. Отметим, что среди случайных сборов также единичны предметы триады. Такое состояние «скифского фона» в культуре плиточных могил только ли следствие деятельности грабителей?

Другой особенностью культуры плиточных могил является сохранение и/или пережитки карасукской традиции эпохи поздней бронзы, этнокультурный ареал которой связан со степями и предгорьями Минусинских котловин. Впервые карасукский «след» в культуре плиточных могил обозначил Г.П. Сосновский [1941]. Этот «след» преследует всю историю

изучения культуры раннего железного века Монголии и Забайкалья. К этой теме обращались многие ученые (А.П. Окладников, В.В. Волков, Н.Н. Диков, Ю.С. Гришин, Н.Л. Членова, А.Д. Цыбиктаров и др., включая монгольских специалистов). В историографии проблемы отчетливо выделяется две группы исследователей. Не исключаю возможность компромиссной группы. В качестве примера приведу исследования В.В. Волкова, который считал, что предметы карасукского типа, изображенные на оленных камнях, относятся к концу эпохи бронзы – к первым векам I тыс. до н.э. [Волков, 2002]. Значительную группу составляют специалисты, которые карасукский «след» рассматривают как исток формирования культуры плиточных могил в эпоху финальной бронзы. Малочисленная группа, которая предполагает существование карасукского «следа» в скифское время. Н.Л. Членова привела редкие документированные находки, идентичные «карасукским» из плиточных могил, и датировала их временем не ранее V в. до н.э. [Членова, 1993, с. 55, 60]. Автор данной статьи дополнил эти факты материалами Александровского могильника в Восточном Забайкалье, раскопанного О.И. Кирилловым [Кириллов, 1988, 1994; Бобров, 2025]. Именно на этой особенности базируется неоднозначное отношение как к хронологии, так и к содержанию культуры. Очень важно отметить, что карасукский «след» доминирует среди случайных находок, обнаруженных в ареале культуры плиточных могил.

Сложившийся фонд источников невольно вызывает вопрос: что составляет содержание культуры создателей плиточных могил? Он правомерен, т.к. обобщающие работы по культуре плиточных могил основаны на документированных материалах из раскопок с привлечением единичных случайных находок преимущественно типологически близких изделиям скифо-сибирского мира. В предисловии к сборнику материалов конференции «Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст» Д.Г. Савинов и В.Н. Седых отметили проблему «неслучайности случайности» [2008, с. 9–10]. На всем пространстве евразийских степей в ареале культур скифского времени случайные находки (предметы искусства), нередко многочисленные, типологически и стилистически идентичны материалам из документированных археологических комплексов. Природа случайности достаточно хорошо известна и связана она с «отхожим промыслом» сельского населения XVII–XIX вв., как и известна принадлежность этих находок к конкретному географическому пространству. Случайность приобретает характер закономерности.

Вероятность принадлежности коллекции предметов типологически позднебронзового облика культуре плиточных могил достаточно высока. Есть ли основания считать этот облик не пережитком или, образно говоря, «карасукским следом», а типичным

признаком археологической культуры скифского времени?

В специальной литературе (В.В. Волков, Д. Наван) случайные находки включены в аналитическую процедуру исследования культуры плиточных могил, но позднебронзовый комплекс в ней является основанием выделения раннего этапа, хронологически соответствующего концу II тыс. до н.э. На первый взгляд, не противоречит этой идее типология и хронология изображений реалий на оленных камнях I типа по Д.Г. Савинову [1994]. Кстати, им же достаточно убедительно доказана хронологическая принадлежность многих предметов к периоду финала поздней бронзы, в частности, их относительная идентичность комплексам лугавской культуры. А это время не ранее начала I тыс. до н.э. Если следовать минусинским аналогиям, то после работ А.В. Полякова и И.П. Лазаретова [Поляков, 2006; Лазаретов, 2006] так называемые карасукские бронзы типологически разведены по карасукской и лугавской культурам. Соответственно, приведенные аналогии в историографии проблемы культуры плиточных могил требуют критического анализа. Следуя историографической традиции и щадя молодое поколение археологов, можно сохранить термин «карасукский след» в современной понимании его принадлежности.

II

Оленным камням Евразии, но особенно Монголии и Забайкалья посвящено огромное количество научных работ, которые затрагивают проблемы хронологии, культурной принадлежности, назначения, а в последнее время и подходов к документированию. Хронология установлена по реалиям, изображенным на камнях, многие из которых неизвестны в памятниках Монголии и Забайкалья. Аналогии им находятся за пределами этой территории. Желательно этот факт постоянно иметь в виду в процессе исследования раннего железного века Центральной Азии. В рамках этой проблемы два вопроса: если реалии на оленных камнях рассматривают как единый комплекс, то дата объекта определена по хронологии раннего или позднего предмета? Почему при решении проблемы хронологии из комплекса реалий оленных камней монголо-забайкальского типа исключены изображения животных, в частности оленей? Стилистический и иконографический анализ изображений оленей, давших название объектам монументального искусства, самостоятельная тема, которая, по моим представлениям, остается практически неисследованной. Я догадываюсь о контраргументах оппонентов по данному вопросу. Не исключаю, что датирующие возможности изображения образа оленя относительные. Но согласимся, что фигура животного при изобразительном своеобразии отвечает реалиям в археологических источниках. Особенно выделим такой иконографиче-

ский элемент, как s-образная форма рогов, характерный для изображений оленей в пластике, на каменных плоскостях и в графике на других материалах. Такие изображения характерны преимущественно для раннескифского времени, что подтверждается находками в погребальных комплексах на всем пространстве скифо-сибирского мира [Членова, 1962; Бобров, 1973]. В Центральной Азии и на сопредельных территориях нет изображений в такой манере или зарождающейся такой традиции во время, предшествующее скифской эпохе. Почему бы не рассматривать изображения оленей на монументальном стилизованном изваянии как логотип культур скифо-сибирского мира.

Что же касается позднебронзовых реалий на оленных камнях, как и собственно бронзовых изделий лугавского облика, то вопрос об их принадлежности какой-либо самостоятельной культуре эпохи поздней бронзы на территории Забайкалья, центральных и восточных районов Монголии, на мой взгляд, остается открытым. Важнейший маховик процедуры научного исследования в археологии – поиск аналогий – невольно ставит исследователя на платформу теории стадийности. Причем от исследователя зависит в каком качестве она будет реализована – в механическом или диалектическом. В этой связи напомним одну работу теоретического характера Д.Г. Савинова «О “третьем” мире культур эпохи бронзы» (Центральная Азия). Третий мир, по его мнению, это территория Монголии, Забайкалья, Саяно-Алтая, относительно андроновского (урало-казахстанские степи, лесостепь Западной Сибири) и срубного (Восточная Европа). Третий мир, по Д.Г. Савинову, имел специфику в историко-археологическом отношении на всем протяжении эпохи бронзы, но она особенно выражена на позднем этапе, в период существования безынвентарных погребений. «Третий мир безынвентарных погребений Центральной Азии, как самостоятельных культурных образований, позволяет не искать здесь памятники археологических культур других областей, а ставить вопросы об их соотношении, взаимопроникновении, аккультурации и т.п.» [1993, с. 108]. Чрезвычайно важен его вывод о том, что сложившиеся в третьем мире культурные традиции были аккумулярованы в памятниках раннескифского времени.

Несложно заметить, что территория трех миров эпохи бронзы совпадает с ареалом культур скифского облика. На мой взгляд, идея «третьего» мира не потеряла своего смысла и историко-культурного содержания, включая тенденции и динамику процессов развития на новом хронологическом этапе. Это особенно наглядно выразилось по материалам памятников ацайского этапа по А.Д. Цыбиктарову [2003]. Культура плиточных могил третьего мира разительно отличается от культур скифского времени пояса степей Евразии. Исключение составляют оленные камни. Что стоит за этим отличием – приверженность местным культурным традициям, идеологическое

неприятие инноваций, вера в собственное могущество или ориентация на военную поддержку восточных соседей? Эти вопросы требуют самостоятельного изучения.

Если территория Монголии и Забайкалья – третий мир, то какие два другие? Установить их нетрудно, используя историографический арсенал. Если следовать научной логике, то первый – это собственно скифский, включая культуры казахстанских степей, второй – сибирский, в частности Южная Сибирь и прилегающие районы Западной Сибири.

Именно третий мир явился одним из главных центров кочевой империи хунну в отличие от скифского и сибирского (условно), которые длительное время сохраняли скифскую культурную традицию в некоторых районах. Не эта же модель историко-культурного процесса был свойственна Монголии и Забайкалью в раннескифское и, возможно, в последующее время.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг.».

Список литературы

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 29 с.

Бобров В.В. К проблеме культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии // Древние культуры Монголии, Байкала, Южной Сибири и Северного Китая: Мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (11–16 сентября 2025 г., Улан-Батор). – Улан-Батор: Ин-т археологии МАН, 2025. – Т. II. – С. 213–216.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Мир науки, 2002. – 248 с.

Кириллов О.И. Александровский могильник эпохи палеометалла из Восточного Забайкалья // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988. – С. 18–26.

Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 20 с.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.

Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 26 с.

Савинов Д.Г. О «третьем» мире культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1993. – С. 107–109.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – 208 с.

Савинов Д.Г., Седых В.Н. Предисловие // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – С. 8–12.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, 1941. – Т. I. – С. 273–309.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 49 с.

Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. – М.: Наука, 1962. – С. 167–205. – (МИА; № 115).

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – Гл. 3. – С. 247–254.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербург. археол. вестн. – СПб., 1993. – № 4. – С. 31–72.

References

Bobrov V.V. Olen' v skifo-sibirskom iskusstve (tagarskaya kul'tura): cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1973. 29 p. (In Russ.).

Bobrov V.V. On the problem of the slab grave culture in Transbaikal and Mongolia. In *Ancient cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China: Proceedings of the 13th International scientific conference (September 11–16, 2025, Ulaanbaatar)*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology MAS, 2025. Vol. 2. P. 213–216. (In Russ.).

Chlenova N.L. Skifskii olen'. In *Materialy i issledovaniya po arkhologii USSR*. 1962. No. 115. P. 167–205. (In Russ.).

Chlenova N.L. Kul'tura plitochnykh mogil. In *Arkhologiya SSSR. Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow: Nauka, 1992. Chap. 3. P. 247–254. (In Russ.).

Chlenova N.L. O pozdnei date karasukskikh bronz v Mongolii, Gornom Altae, Zabaikal'e i Ordose. In *Peterburgskii arkhologicheskii vestnik*. St. Petersburg, 1993. No. 4. P. 31–72. (In Russ.).

Kirillov O.I. Aleksandrovskii mogil'nik epokhi paleometalla iz Vostochnogo Zabaikal'ya. In *Pamyatniki epokhi paleometalla v Zabaikal'e*. Ulan-Ude, 1988. P. 18–26. (In Russ.).

Kirillov O.I. Pogrebal'nye pamyatniki epokhi paleometallov verkhov'ev Amura: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1994. 20 p. (In Russ.).

Lazareto I.P. Zaklyuchitel'nyi etap epokhi bronzy na Srednem Enisee: cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2006. 34 p. (In Russ.).

Polyakov A.V. Periodizatsiya «klassicheskogo» etapa karasukskoi kul'tury (po materialam pogrebal'nykh

pamyatnikov): cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2006. 26 p. (In Russ.).

Savinov D.G. O “tret’em” mire kul’tur epokhi bronzy (Tsentral’naya Aziya). In *Kul’turnogeneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1993. P. 107–109. (In Russ.).

Savinov D.G. Olennye kamni v kul’ture kochevnikov Evrazii. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1994. 208 p. (In Russ.).

Savinov D.G., Sedykh V.N. Predislovie. In *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul’turnyi kontekst: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–19 dekabrya 2008 goda*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2008. P. 8–12. (In Russ.).

Sosnovskii G.P. Plitochnye mogily Zabaikal’ya // *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul’tury Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1941. – Vol. I. – P. 273–309. (In Russ.).

Tsybiktarov A.D. Kul’tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal’ya, Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 1998. 288 p. (In Russ.).

Tsybiktarov A.D. Tsentral’naya Aziya v epokhu bronzy i rannego zheleza (II – pervaya polovina I tys. do n.e.): doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2003. 49 p. (In Russ.).

Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii. Moscow: Mir nauki Publ., 2002. 248 p. (In Russ.).

Бобров В.В. <https://orcid.org/0000-0002-9195-7275>

Дата сдачи рукописи: 24.10.2025 г.